Тем временем трое спустились и увидели ту самую картину, которая не на шутку напугала пьянчугу. Перед ними предстал ужасного рода вид: Старик был распят на стене, а на полу перед ним кровью была выведена странная надпись: "Victimum primum in via ad paradisum".

-Кто-то знает латынь? - спросил тавернщик.

-Арабский , иврит. Латыни не знаю. - ответил Али

-Князь должен знать - отметил тавернщик.

-Эй , я знаю латынь! - влез пилигрим.

-Ну тогда переведи! - взъелся Али.

-Сейчас, сейчас...

-Кстати, где князь?

Все четверо переглянулись и посмотрели наверх. Дверь была заперта.

-Первая жертва на пути в рай! Вот что он написал!

-Чёрт! Неужели князь - вторая? Никто не порубит этого подонка раньше меня!

Пьянчуга остался внизу и начал пить. Пилигрим и наёмник побежали наверх. Тавернщик подошёл к пьянице.

-Ты заплатил за то, что пьёшь?

-Держи свою монету, скупая мразь. Всё равно мне до неё дела нет. Мы все здесь поляжем, так хоть я помру счастливый.

Внезапно сверху раздался звон стали. Али стал бить в дверь ногой, пытаясь прощупать место, где она была заблокирована. Наёмник послал Еноха вниз за топором.

-Тавернщик, нам нужен топор или молот, или что-нибудь увесистое. У тебя найдётся такое?

-Дай подумать...

Князь смотрел на медленно приближающийся силуэт и думал над тем, что делать. Когда враг подошёл достаточно близко, князь сделал выпад и с силой рубанул по палице, на которую опирался красноликий. Но враг оказался проворнее и , прижав раненную ногу к здоровой , подпрыгнул аккурат перед палицей. Это был конец. Клинок не смог разрубить палицу и застрял в ней, после чего на него всем своим весом наступил этот громадина и меч со звоном раскололся на части. Одной рукой красноликий опирался на палицу, а другой поднял князя над головой и начал сдавливать его горло. Князь было снова попытался ударить его в горло носком ботинка, но в этот раз убийца прижал подбородок к груди, наклонив голову в сторону и исподлобья яростно смотрел в глаза своей жертвы. Князь уже было начал слабеть, бессмысленно брыкаясь, как взял себя в руки и нашёл выход. Удушенный из последних сил забросил ноги на плечи своего врага, упёрся, схватил душившее его запястье и изо всех потянул на себя, отталкиваясь от плеча противника. Когда он почувствовал, что достаточно сильно оттянул, он изогнулся назад. Раздался хруст и могучая рука теперь рухнула вниз бессильной плетью. "Сломал" - подумал князь - "Ну теперь попроще будет!".

Теперь баланс в бою перешёл на чашу князя. По крайней мере, так он думал. Раненный красноликий начал запевать ту самую песнь, которая свела с ума всех остальных. Князь начал чувствовать недомогание, стены казались давящими, а голова - такой невыносимо огромной, хриплые рипящие звуки отдавались эхом в его голове и он почувствовал, что сходит с ума. Пульс по силе напоминал колокольный звон, глаза то и дело стремились наружу, вон из черепа.

Через боль и страдание князь ухватил собственное раненное плечо и силой сдавил. Физическая боль привела его в реальность, где на него уже летел удар палки. Не успел князь опомниться умом, как его тело уже упало назад. После кувырка князь медленно попятился к двери, не упуская хромавшего врага из виду.

-Прочь! Оставь меня!

-Ты должен быть покаран! Ты противился правосудию!

-Я уже говорил, что это не правосудие, а твои собственные замашки на место Господа! Ты должен быть покаран за такое, не я!

-Я и не за это тебя караю! Ты горд, а это смертный грех!

-И где это я, скажи на милость, горд? Я пью в таверне с простыми людьми, я ночую здесь, никому не рассказывая о том, кто я такой! Я напротив сторонюсь гордых людей!

-Да потому что не выносишь того, что самым лучшим и гордым можешь быть не только ты!

В груди князя странным эхом отозвались эти слова. Это была правда, он не выносил компании хвастунов и самодуров. Но не потому ли это, что он сам был ничуть не лучше их? Не потому ли, что он и вправду хотел быть единственным хвастуном в компании? Не потому ли, что привык быть лучшим, первым, сильнейшим?

http://tl.rulate.ru/book/13976/271308